

УДК 821.161.1

Назаров И.А.

(г. Москва)

ОБРАЗ СУМАСШЕДШЕГО ДОМА
В РАССКАЗЕ Л.Н. АНДРЕЕВА «МЫСЛЬ»

Аннотация. В статье рассматриваются различные интерпретации образа сумасшедшего дома в русской литературе на примере рассказа Л. Андреева «Мысль». Следуя традиции разностороннего осмысления указанного образа, сложившейся в отечественной и зарубежной литературе, писатель интерпретирует пространство психиатрической клиники как место прозрения героя, осмысляет образ сумасшедшего дома в социально-философском аспекте и в контексте проблемы границы между нормой и безумием.

Ключевые слова: мотив безумия, образ сумасшедшего дома, интерпретация образа, Л. Андреев, рассказ «Мысль».

I. Nazarov

(Moscow)

CONCEPT OF ASYLUM IN LEONID ANDREYEV'S SHORT STORY
«THOUGHT»

Abstract. The article examines different interpretations of the concept of asylum in Russian literature on the example of L. Andreev's short story "Thought". Following the tradition of a versatile interpretation of the concept mentioned, the author interprets the space of the asylum as a place of the character's insight. Concept of asylum in Andreev's short story is interpreted in social-philosophical aspect and through the context of the problem of the borders between norm and madness.

Key words: motif of madness; concept of asylum, interpretation of the concept, L. Andreev, short story "Thought".

Художественный образ сумасшедшего дома, его разностороннее осмысление является актуальной проблемой в мировой литературе. Различное восприятие указанного образа прослеживается в творчестве отечественных и зарубежных писателей (А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь¹, А.И. Герцен, М.Е. Салтыков-Щедрин, Н.С. Лесков, Д. Свифт, Д. Лондон, К. Кизи и другие), где он рассматривается в контексте социально-философского аспекта – пространство сумасшедшего дома становится

¹ В данном контексте особо актуальна статья Л.А. Сапченко, посвященная развитию указанного образа в литературе XVIII–XIX вв. [6].

местом прозрения героев, представляется моделью социума, является иллюстрацией к вопросу о границе между нормой и безумием. Разностороннее осмысление образа сумасшедшего дома отмечено на всех этапах творческого пути писателя Л. Андреева, одного из ярчайших представителей отечественной литературы рубежа XIX–XX столетий. Указанный образ присутствует в художественных произведениях («Любовь, вера и надежда», «Красный смех», «Призраки», «Дневник Сатаны» и т. д.), в публицистических статьях («SOS»), прослеживается среди нереализованных замыслов автора. В данной статье мы рассмотрим особенности художественного воплощения образа сумасшедшего дома в рассказе Л. Андреева «Мысль» (1902).

По сюжету рассказа доктор Керженцев задумывает убить своего друга Савелова и симулировать сумасшествие, чтобы избежать наказания. Совершив преступление, протагонист оказывается в клинике, где в течение месяца подвергается психиатрической экспертизе. Главная причина определения Керженцева в больницу – подозрение «в ненормальности его умственных способностей» [1, т. 1, с. 382]. Л. Андреев акцентирует внимание на традиционном представлении о сумасшедшем доме как инстанции, способной определить разумность / безумие субъекта, что в контексте рассказа становится неразрешимой философской проблемой. Примечательно, что статус пациента клиники получает профессиональный врач – данный мотив отмечен в творчестве различных художников (А.П. Чехов («Палата № 6»), М.П. Арцыбашев («Смех»), М.А. Булгаков («Морфий»)) и может стать темой отдельного исследования.

Местом пребывания героя становится Елисаветинская психиатрическая больница, о чём указывается в предисловии к рассказу. Авторское уточнение позволяет выдвинуть гипотезу о связи темы безумия с особенностями хронотопа (вероятное место действия – Петербург) и возможности рассмотрения рассказа Л. Андреева в контексте т. н. «петербургского безумия»²; в данном аспекте отметим и форму произведения, представляющую собой своеобразные «записки сумасшедшего» (связь с городом подчеркивается и в эпизоде с возникновением идеи убийства – Керженцев был оскорблен Татьяной «пятого сентября, в шесть часов вечера, по петербургскому времени» [1, т. 1, с. 384]). О внутреннем пространстве сумасшедшего дома и его особенностях мы узнаем из записей Керженцева (лист № 2, № 4, «на клочке» и другие) – в

² Термин С.Г. Бочарова [2]. В творчестве Л. Андреева разносторонняя связь темы безумия с образом Петербурга прослеживается в рассказе «В тумане», в драмах «Милые призраки», «Собачий вальс».

момент работы над протоколом герой прерывается на описание психиатрической клиники, её обитателей и порядков: характеристика персонала (сиделка Маша, фельдшер Петров, сторожа), эпизоды из жизни других пациентов.

Л. Андреев разносторонне осмысляет пространство сумасшедшего дома. В данном контексте особо отметим взгляд писателя относительно внешних и внутренних границ психиатрической лечебницы. Одно из первых впечатлений героя от пребывания в клинике – ощущение утраты свободы. Герой, по собственному признанию, ценивший в жизни свободу мысли и действия, приходит к разочарованию от различных форм принуждения. Своеобразной возможностью преодоления границ клиники, связью с внешним миром для протагониста становится дневник-протокол, изобилующий не только подробностями совершенного преступления, но и деталями, позволяющими раскрыть внутренний мир героя. На наш взгляд, попытку самоубийства Керженцева допустимо рассматривать в контексте мотива побега³. Однако Л. Андреев подчёркивает и другую, символическую деталь в порядках указанного заведения, поражающую Керженцева: «То меня укладывают спать, когда мне хочется писать, когда мне нужно писать. То не закрывают дверей, и я должен слушать, как орёт какой-то сумасшедший» [1, т. 1, с. 391]. В данной ситуации примечателен образ незапертой двери, которая является метафорой мнимости границы между миром «нормы» (персонал клиники) и «безумия» (пациенты) и также иллюстрирует идею Керженцева о сосуществовании разума и сумасшествия во внутреннем мире человека. Добавим, что указанный мотив будет особо подчеркнут автором в драме «Мысль», где сиделку Машу обвиняют в том, что она забывает запирает двери пациентов. В последующем рассказе «Призраки» Л. Андреев, опираясь на опыт Э. По, создаст образ сумасшедшего дома, в пространстве которого образ двери также будет играть значимую роль.

Ситуация сумасшествия, «измена мысли» приобретает в сознании Керженцева картину утраты дома («вместилища человеческой души» [5, с. 5]): «вы жили в доме, где много комнат, занимали одну только комнату и думали, что владеете всем домом. И вдруг вы узнали, что там, в других комнатах, живут <...> загадочные существа <...> и дом принадлежит им» [1, т. 1, с. 410]. Пространство дома перестаёт принадлежать герою, в нём обнаруживаются области, неподвластные разуму и законам логики. Метаморфозы внутреннего мира Керженцева соотносимы с пространством сумасшедшего дома, в котором Л. Андреев акцентиру-

³ Тема физического и духовного побега из заключения будет рассмотрена писателем в повести «Мои записки» (1908).

ет внимание на соседях героя. Ими оказываются безумец, подражающий зверю, и помешавшийся актер, в которых герой узнаёт проявления своего «я». Соседи являются своеобразными двойниками протагониста и символизируют крайние стороны внутреннего мира Керженцева – животное начало и склонность к театральному поведению. Особо отметим образ безумного актёра, «укравшего» миллион и планирующего свержение Папы римского – данные атрибуты сближают героя с протагонистами пьесы «Собачий вальс» и романа «Дневник Сатаны». Размышляя о прозе писателя 1900–х гг., О.В. Вологина [3, с. 57] подчёркивает, что в пространстве сумасшедшего дома переосмысляются атрибуты окружающего мира. Так, в рассказе «Призраки» в безумце, который подражает крику петуха, литературовед усматривает особенные «часы», внутреннее время психиатрической клиники. В рассказе «Мысль» безумие представляется Керженцеву духовной смертью, что подчеркивается в совете героя завешивать зеркала в доме, где кто-либо утрачивает рассудок (в своей комнате герой разбивает зеркало). Своеобразным «зеркалом» в сумасшедшем доме оказывается сиделка Маша (безумная, по мысли протагониста), обладающая способностью отражать на своем лице выражение лиц других людей. Таким образом, через образы обитателей психиатрической клиники в рассказе показаны изменения во внутреннем мире и внешности Керженцева.

Пространство сумасшедшего дома осмысляется Л. Андреевым как место прозрения героя. Пребывая в клинике, Керженцев приходит к осознанию непрочности основ бытия, возможного единства противоположных категорий. Кульминацией данного события становится эпизод, когда герой сначала последовательно приводит ряд аргументов, подтверждающих свой душевный недуг, а затем строит доказательную базу в защиту своего здоровья. Навязчивая мысль о собственном безумии, считает Керженцев, может посетить каждого человека, что выражается в метафоре: «Вы пили молоко и думали, что оно цельное, пока кто-то не сказал, что оно смешано с водой. И конечно – нет более цельного молока» [1, т. 1, с. 418]. Система доказательств Керженцева, на наш взгляд, восходит к одному из эпизодов романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание», где, по мнению французского психиатра, «расстройства в организме у сумасшедших нет, а что сумасшествие есть, так сказать, логическая ошибка, ошибка в суждении, неправильный взгляд на вещи. Он постепенно опровергал больного и, представьте себе, достигал, говорят, результатов» [4, т. 5, с. 402]. По мысли Керженцева, обитателями сумасшедшего дома становятся люди, ощутившие безумие «разумной и нравственной» жизни и попытавшиеся противо-

стоять ему, найти ответ на «проклятые» вопросы: «Вы трусы и лицемеры, вы больше всего любите ваш покой, и вы с радостью всякого вора, стащившего калач, запрятали бы в сумасшедший дом» [1, т. 1, с. 419]. Следуя логике протагониста, можно заключить, что в условиях «безумия мира» сумасшедший дом становится пространством «нормы»⁴.

В рассказе «Мысль» Л. Андреев не акцентирует внимание на физических муках пациента, что, например, прослеживается в «Записках сумасшедшего» Н.В. Гоголя и «Красном цветке» В.М. Гаршина, где образ сумасшедшего дома и методы лечения соотносятся с пытками инквизиции. Для писателя значимо состояние внутреннего конфликта героя, связь темы безумия с трудностями самоопределения. В данном контексте отметим значимость мотива игры – в рассказе и драме «Мысль» упоминается о мастерстве Керженцева-шахматиста (сравнение с гроссмейстерами М.И. Чигориным и Э. Ласкером, упоминание о несостоявшихся партиях). При описании больничной палаты протагониста автором подчёркивается, что герой вынужден играть в шахматы с собой, намекая на исход трагедии Керженцева, поставившего эксперимент над собой («нанесшего поражение» самому себе).

Ситуация доктора Керженцева приобретает форму замкнутого круга: пытаюсь преодолеть одиночество, герой-индивидуалист совершает преступление, однако в финале снова оказывается в одиночестве в поисках ответа на вопрос о своём безумии (мнение четверых экспертов относительно безумия Керженцева разделяется). Указанная ситуация неопределённости является вариацией мотива безумия как наказания.

Таким образом, в рассказе Л. Андреева «Мысль» прослеживается различное осмысление образа сумасшедшего дома. Следуя традиции разностороннего осмысления указанного образа, сложившейся в отечественной и зарубежной литературе, писатель интерпретирует пространство психиатрической клиники как место прозрения героя, сопоставляет с мотивом наказания, осмысляет образ сумасшедшего дома в социально-философском аспекте и в контексте проблемы границы между нормой и безумием.

Литература:

1. Андреев Л. Н. Собрание сочинений: В 6 т. – М.: Худож. лит., 1990.
2. Бочаров С.Г. Петербургское безумие // Пушкинский сборник / Сост. И. Лошилов, И. Сурат. – М.: Три квадрата, 2005. – С. 305–327.
3. Вологина О.В. Творчество Леонида Андреева в европейском литературном процессе XX века. – Орел: Издатель Александр Воробьев, 2008. – 128 с.

⁴ Развитие данного образа прослеживается в рассказе «Красный смех», где сумасшедший дом становится моделью нового Отечества.

4. *Достоевский Ф.М.* Собрание сочинений в 15 томах. – Л.: «Наука», Ленинградское отделение, 1989–1996.

5. *Радомская Т.И.* Дом и Отечество в русской классической литературе первой трети XIX века. Опыт духовного, семейного, государственного устроения. – М.: Совпадение, 2006. – 240 с.

6. *Сапченко Л.А.* Сумасшедший дом в произведениях русской литературы: от Карамзина – к Чехову // Вопросы литературы. – 2002. – N 11/12. – С. 342–356.